

Премудрая Татьяна

рассказ в стихах по мотивам русского плутовского рассказа XVII в.:

ПОВЕСТЬ О НЕКОТОРОМ ГОСТЕ БОГАТОМ И О СЛАВНОМ О КАРПЕ СУТУЛОВЪ И
О ПРЕМУДРОЙ ЖЕНЕ ЕВО, КАКО НЕ ОСКВЕРНИ ЛОЖА МУЖА СВОЕГО

Д.Г. Левицкий. Портрет Агафьи, дочери.

Н.Д. Мыльников Ярославский купец С.И. Соболев

Богат и славен был купец,
о коем я веду рассказ.
Во всём, бесспорно - удалец,
высок, плечист голубоглаз,
и назван Карпом при рождении.
Иные были времена.
Тогда такие имена
давали детям при крещении.
Жена, красавица Татьяна,
была умна, стройна, румяна.
И жили в нежности и ладе
они в Великом Новограде.

С. Кириллов. Улица Званица.

Но вот пришёл однажды срок
купцу поехать за товаром
по длинным ниточкам дорог
на лошадях, а не под паром.
Земля Литовская далёко,
а молода жена – одна,
и будет ли она верна,
живя без мужниного ока?
У Карпа верный друг Бердов,
богат и славен, только вдов,
жил в том же самом Новограде.
К нему-то Карп стопы наладил.

«Ты, Афанасий, друг любезный,
будь здоров на долгие года!
Есть торг в Литве, весьма полезный,
отправляюсь вскоре я туда.
А коль жена придёт в твой дом,
когда нужда в деньгах явится,
прошу тебя не поскуписья.
В том низко бью тебе челом.
Должок отдам, когда вернусь.
С тобой по чести расплачусь,
и попируем мы с тобой
во славу дружбы вековой».

«Не сумлевайся, друг Карпуха!
Аз рад жену твою снабдить.
Не допущу, чтоб голодуха
могла зело ей навредить.
Езжай спокойно в путь неблизкий,
ищи товары без изъяна,
и здрава будь твоя Татьяна.
Ей передай поклон мой низкий».

/аз – я/

/зело – очень/

Так Афанасий молвил другу
и сжал протянутую руку.
«Благослови тебя Господь,
и там в Литве не сумасбродь».

Вернулся Карп домой не рано
и стал давать жене наказ:
«А помнишь ли, моя Татьяна,
как повенчали в храме нас?
Как мы клялись тогда с тобою
любить друг друга, почитать,
смеяться вместе, горевать,
и даже, встретившись с бедою,
не разнимать сплетённых рук.
И вот, пришла пора разлук.
Купца, как волка, кормят ноги:
в Литву ведут мои дороги.

Одна не будь, зови сестёр,
твори пиры, забавы ради.
Язык у них вельми остёр,
и с ними я не очень ладил,
но ты, голубка, не скучай,
коль деток Бог ещё не дал.
Молись, чтоб торг мой процветал,
и добрых жён в дому встречай.
А на потребу – деньги вот.
Тут тыща, да ещё пятьсот.
А коль не хватит, то Бердов
тебе положит сто рублёв.

О том имел с ним уговор,
и обещание обрёл.
Он - друже мой, и с давних пор
в делах ни разу не подвёл.
А что до ложа моего -
своим грехом не оскверни
и всех просителей гони.
Да помни мужа своего.
И я клянусь тебе, Татьяна,
в любви отказывать литвянкам,
молитвой плотский огонь тушить,
тебя любить и не грешить».

/друже – друг/

/огнь – огонь/

Сказал он так и утром ранним
купец покинул дом родной.
Себя он ревностью тиранил
с младой красавицей-женой.
Но делать нечего, нужда
гнала его из дома прочь,
а ревность надо превозмочь.
Но коль случится грех-беда,

залечит рану лекарь-смех.
Смеяться над собой – не грех:
ну, кто, скажите, на Руси
от жён рогов не нарастил?

И стала жить одна Татьяна,
сестёр нередко принимая,
всегда нарядна и румяна.
А мужа Карпа вспоминая,
шутила, весело смеясь,
мол, ей не трудно Карпа ждать
и нет причины горевать
да слёзы лить, с собой борясь.
Три года минуло в пирах,
и вот - Татьяна на бобах.
Без денег жизнь вельми бедова,
идти придётся до Бердова.

/вельми – весьма/

С.Килиллов. Довольный купец.

«Будь здрав, достойный Афанасий!
Пришла к тебе я по наказу.
Мне Карп сказал, что разногласий
меж вами не было ни разу,
а коли будет в том нужда,
то даст мне денег сто рублёв
вернейший Карпов друг Бердов.
Без денег – знаешь сам – беда.
В Литве мой Карп обогатится
и долг тебе же возвратится.
Прости Сутулову Татьяну,
всё будет верно, без обману».

Бердов же, очи оторвать
не мог от девы молодой.
Её лицо, движенья, стать
такой светились красотой,
что распалился не на шутку
Бердов, желаньем обуян,
к тому ж он был немного пьян.
В сомненьях он провёл минутку,
а после рек, прищулив глаз:
«Тебе на брашна денег аз
подать по дружеству не прочь,
ты только ляг со мною в ночь».

/рек – сказал/
/брашана – еда/

На миг Татьяна онемела
и краска бросилась в лицо.
С того вельми похорошела
и тако молвила словцо:
«Аз не могу сейчас того
с тобою, друже, сотворити.
Должна о том я воспросити
отца духовного свово.
Коль не узрит он в том помех,
то сотворю с тобою грех.
Пойду на это, поелику
нужда в деньгах зело велИка».

/такo – так/

/свово – своего/
/узрит – увидит/

/поелику – поскольку/

Н.В. Неврев. Протодиакон, провозглашающий многолетие (фрагмент).

С тем в дом вернулася Татьяна
и позвала духовника.
Пришёл он трезвый, а не пьяный,
но с видом местного царька.
Живот натужно выдавал
великий грех чревоугодя,
и никакого благородья
в речах сей поп не проявлял.
Рассказ Татьянин был недолог,
без лишних слов и недомолвок.
Но перед ней качнулся свет,
когда услышала ответ:

«Да, скуповат купец Бердов,
в любовном поле он не воин.
Всего каких-то сто рублёв!
Нет, он прощенья не достоин,
видали мы таких орлов!
Гони Бердова, моя дочь,
и допусти меня на ночь
за двести царственных рублёв.
Сей грех простит тебе Господь.
Себя молитвой не заботь,
я помолюсь за нас обоих.
Ну, где же тут твои покои?»

Смутилась бедная Татьяна
от слов духовного отца.
И стало ей вельми погано:
-Ну, проучу я подлеца!-
А вслух сказала, как в мольбе:
«Дай, отче, сроку на годину,
а через девку Властелину
я призову тебя к себе.
Сейчас утишь во храме кровь,
да деньги Тане приготовь.
Ну, что же ты, скорей ступай,
и, что не должно, не хватай».

/година – час/

Едва отец исчез из виду,
к архиепископу на двор,
надев просторную хламиду,
Татьяна понесла позор,
в который поп её толкал.
Да и Бердов, предатель мужа,
который тоже ей не нужен,
жену чужую возалкал!
Обоих след предать суду,
ну, а попу – гореть в аду,
от церкви быти отлучённым
и сана святого лишённым.

Упав пред святым на колени,
 к руке смиренно приложась,
 Татьяна, в горечи волнений
 всё рассказала, прослезясь.
 О муже Карпе и Бердове,
 и в дЕньгах временной нужде,
 о том, что спасу нет нигде,
 и даже поп zelo греховен.
 «Велики святы, защитите,
 младую душу не губите!
 Как мужу мне в глаза смотреть?
 А без него Татьяне – смерть».

Архиепископ Сильвестр

В слезах, в волнении, Татьяна,
 как никогда, красой блистала,
 слова её – как песнь Баяна,
 и кровь у старца заиграла.
 И так он рек, глотая слюни:
 «Попу и гостю дай отказ,
 а мой тебе такой указ:
 не распускай напрасно нюни.
 Со мной единым ты пребуди,
 за то греха тебе не будет.
 Аз дам рублёв ти целых триста
 и крест с ядром из аметиста».

/гость – купец/

/ти – тебе/

У Тани сердце опустилось
от архипастыря речей.
Ну, где искать ей справедливость,
как слёз не лить ей из очей?!
Однако, слабость поборов,
Татьяна рече твёрдо старцу: /рече – говорит/
«Коль вправду крестик тот из кварцу,
и грех мой скроешь от врагов,
то в три часа придти изволь,
а мне откланяться позволь».
И с тем пошла она домой,
объята гневною волной.

Служанке верной, Властелине
дала Татьяна сей наказ:
пусть поп придёт в шестой године,
а вот Бердов – в десятый час.
На том ушла рабыня прочь,
а Таня стала наряжаться,
и ко всему приготавливаться,
чтоб грех, как можно, перемочь.
Архиепископ в три часа
явился, космы причесав,
и тако молвил: «Аз алкаю, /алкаю – желаю/
от страсти, аки трут, сгораю!» /аки – как/

«А не обманешь ли ты, свЯты,
принёс ли триста мне рублёв
да крестик со Христом распятым
и аметистом? Токмо слов /токмо – только/
о дЕньгах слушать не желаю.
Давай вперёд, иль вот – порог:
без яблок не пекут пирог.
И старец даде: «Аз алкаю!» /даде – дал/
Ох, как хотелось поскорее
архиепископу – злодею
вкусить блаженство с молодой
купца Сутулова женой!

Она же рече: «Ты одёгу
с себя сановную сними.
В ней ты псалмы возносишь Богу
и просьбы, чистые вельми.
Не гоже в ней творить бесчестье.
Твоя сорочка для греха
проста должна быть и плоха.
А ряса служит благочестью».
В волненьи старец рече нервно:
«Помилуй, Таня, то неверно.
С тобою нас никто не видит,
Бог за одёжу не обидит».

Татьяна вновь: «То верно, Бог
своих марасть не будет рук,
но видит он людской порок
и всё, что деется вокруг.
Пошлёт другого человека
тебя бесчествовать и бити,
в грехе порочном уличити.
В позоре будешь ты до века.
Одень поплоше что-нибудь,
ну, и тогда со мною будь».
«Нет у меня с собой иного,
ты чересчур со мной сурова!»

Так отвечал носитель сана,
ища противный аргумент.
«С тебя ж не требую, Татьяна,
одежи той, которой нет».
«От прачки мужнину сорочку
аз получить не смогла,
пока безденежна была.
Возьми мою, а в сундучочку
аз твою рясу схороню».
«Ну ладно, боле не браню.
Ты только будь со мной скорее,
не то от страсти я сомлею».

Архиепископ натянул
рубаху женскую на тело,
с трудом от тесноты вздохнул
и тако молвил: «Плохо дело!
Одежа мне твоя тесна:
мала рубаха для делов,
на кои аз уже готов».
«Другая мной припасена.
Сия поболе. Вот – померь,
в ней будет ладно, ми поверь».

/ми – мне/

«И то, сия рубаха боле.
А будешь мя томить доколе?»

/мя – меня/

Вдруг у ворот раздался стук,
то поп, как велено, явился.
Купчиху сей встревожил звук,
а старец чуть не провалился.
Татьяна юркнула к окну
и – «Ах!» - взметнулись к небу руки.
«Конец пришёл моей докуке!
Да токмо скрою ли вину?»
«И кто ж к тебе в сей час явился?»
«Се муж от купли воротился,
а я тут честь его позорю.
О, горе мне, велико горе!»

Исчезло мигом возбужденье
у старца грешного. Теперь
искал у Тани он спасенья,
как в западню попавший зверь:
«О, госпожа моя, куда
скажи деватися от срама?
Мне не по сану эта драма,
а может вовсе быть беда».
Татьяна будто спохватилась:
«В сундук садитесь, Ваша милость
Сейчас замкну, а будет час -
освобожу я, старче, Вас».

С одною совладав попыткой,
Татьяна вышла на крыльцо
и видит с масляной улыбкой
отца духовного лицо.
«Будь здрава, ладушка-краса!
Вот, аз принёс тебе рублёв
на осетров и окунёв.
Насилу часа дождался».
«Ну, проходи, святой отец,
хотя не святости венец
на голове твоей сверкает.
Там мысль греховная витает.

Ну как мы грех с тобой отмоем?
Ведь радости всего на час,
а после - каяться обоим,
и адский огонь поглотит нас».
«Отца духовного хулити
не дело, лучше ублажи,
и мне на плечи возложи
заботу грех наш замолити».
«Да ты ли, отче, Богов друже?
Ты вовсе даже незаслужен
пускать ми в муку или в рай.
Мне сказки эти не болтай».

Поп уговаривал купчиху,
на словесах часа четыре.
Татьяна строила трусиху,
но поп-пройдоха был настырен.
В речах он был не так уж слаб,
но всё ж Татьяна похитрее,
и всё томила любоддея,
настырных избегая лап.
Ну, а когда совсем стемнело,
Бердов явился с тем же делом.
Стучаться начал он в ворота,
мол, тоже сладкого охота.

К окну Татьяна подбежав,
всплеснула радостно руками:
«То муж мой Карп и жив и здрав
вернулся с полными возами».
«Беда, коль он меня застанет!
Где мне, хозяйюшка укрыться,
чтоб перед мужем не срамиться?»
«Убойся Бога» - молвит Таня
и указывает на сундук.
«Вот он спасёт от мужних рук.
В том сундуке сиди доколе
тебя не выпущу на волю».

Как был наш поп в одной сорочке,
в ней и полез, зело кряхтя.
Замок повесив на цепочке,
Татьяна вышла, ся крестя.
Ну вот, второй сундук заполнен,
остался третий для купца,
зело худого молодца,
что страсти мужеской исполнен.
Татьяна гостя на крыльце
любезно встретила. В лице
его восторг, как медь, светился.
Бердов Татьяне поклонился:

/ся – себя/

«Будь здрава, Таня! Вот рубли
возьми и ласкова пребудь.
Доселе дни мои текли
вельми уныло. Дай глотнуть
из глаз твоих воды живой.
Дозволь красою насладиться
и огонь поймать, моя Жар-птица!
Пусть нас любовною волной
накроет страсти океан.
Поверь, Татьяна, я не пьян.
Твоя краса меня пьянит,
полёт бровей и цвет ланит.

Как жаль, что должен буду я,
вкусив красы, уйти домой!»
«Лилейных слов твоих струя
зело ласкает, только злой
ворчливой, хладной и пустой
быть может та, о ком глаголишь,
и о любви которой молишь.
К тому же ляжет бороздой
наш грех меж Карпом и тобою.
Как можно быть с его женою,
а после зреть бесстыдно в очи,
себя навеки опорочив?»

/глаголишь – говоришь/

Меж тем Татьяна даде знак
служанке выйти за ворота
и там толкаться, да так,
чтоб у Бердова вся охота
прошла к любви с чужой женою.
И, правда, скоро громкий стук
раздался с улицы. Испуг
влетел в хоромину стрелою.
Татьяна бросилась к окну,
как рыба щука на блесну:
«О, радость мне от всеблагого!
Теперь я с Карпом буду снова!»

/хоромина – дом/

Послыша речи таковые,
забегал в горнице Бердов,
вертя головой на толстой вые,
хватая крышки сундуков.
«Татьяна, спрячь меня скорей,
укрой от этой срамоты.
Твоей довольно красоты
за сто предательских рублей».
«Два сундука полны старья,
а третий пуст. Не для жилья
он приспособлен, ну, так что ж –
для схрона он вполне пригож».

/послыша – услышав/

/выя – шея/

Бердов залез и притаился.
Татьяна заперла сундук.
Такой успех ей и не снился:
шестьсот рублей свалились вдруг
и Карпу милому верна.
«Ми отдохнуть теперь пора.
А завтра выйду со двора
и будет грешников вина
на суд представлена суровый.
Да, долог был денёк бедовый!
Ну, что ж, пора угомониться,
и пусть Карпуша мне приснится».

На утре шед во град Татьяна
прячком на воеводский двор.
Хозяин встал, хоть было рано,
и начал с гостьей разговор:
«Что за нужда тебя, жена,
ко мне пригнала в ранний час?
Едва прогнал свой сон от глаз,
да, видно весть твоя важна.
Ты токмо коротко глаголь
и слов напрасно не мусоль».
Татьяна знала что сказати,
что попросить и где солгати:

/шед – пошла/

С. Кириллов. Воевода

«Купец Сутулов, верный мой,
в Литве на купле третий год.
Пред тем наказ мне дал такой:
когда закончится доход
и глад ко мне в окно заглянет,
на время денег сто рублёв
евонный друже гость Бердов
на брашна даст. Он не обманет.
Ходила я к Бердову в дом,
да только тож на куплю он
отиде в дальние края,
и вот, теперь без денег я.

/отиде – уехал/

Ты сто рублёв пожалуй мне -
аз дам тебе большой заклад:
три сундука. Хранят оне
богатых риз преценный клад»
Красой Татьяны околдован,
ответил так властитель града:
«Аз дам тебе и без заклада,
раз муж так долго заторгован.
Должок вернёт – его я знаю,
и сладкой жизни вам желаю.
Любитесь крепко долги лета,
и дай Господь вам много деток».

/риза – верхняя одежда/.

«Возьми те ризы Бога ради,
их побережь просил мя Карп.
А то, ведь днесь, случилось, тати /днесь – на днях; тати – воры/
украли из храмины скарб:
посуду, шубы и вино.
Потом изрядно напились
и меж собой передрались.
Соседи этих драчунов
поймали ловко среди ночи
и чуть не выкололи очи.
Но токмо всё моё вернули,
и до утра уж не заснули.

Аз у сестры была тогда
и знать не ведала о том,
кака случилася беда.
Сосед мне сказывал потом,
где тати были под запором,
как наказали сорванцов,
с деревни дальней беглецов.
Как в кандалах и под надзором
пошли оне в обратный путь,
на бар жестоких спину гнуть.
Те сундуки возьми от нас,
и посмотри, что Карп припас».

«Добро! Неси, и мужиков
возьми с собою на подводу».
Не тратя боле лишних слов,
Татьяна шед от воеводы.
В дому, пока она крутилась,
кряхтя и тужась, мужики
на воз грузили сундуки.
Пока сия морока длилась,
зело страдали в духоте
и в невозможной тесноте
столь оплошавшие злодеи,
с чужой женой прелюбодеи.

«Дай поглядеть, хозяйка, что
хранишь ты в доме под запором.
Я сто рублёв отдамь за то,
и стану вашим кредитором.
Да где ж тут ризы? Вижу я
трёх мужиков в одних сорочках
без поясов, как ангелочков.
И Архипастырь! Жития
как ты достиг такого, отче?
Как сан высокий опорочил?
И в женской срачице! Ну, нет! /срачица – сорочка/
Глаголь, Татьяна, что за бред!»

«Се гость Бердов и мужа друже –
Хотел со мною он пребыти
за сто рублёв. Да разве нужен
мне он? Ведь грех же не отмыти!
А се отец духовный мой.
Рублёв мне двести предлагал
Меня алкал и в грех толкал.
Противен он с своей алчбой.
К архиепископу ходила,
в нужде о помощи просила.
За триста он склонял на грех.
Ведь стар уже! Ну, просто смех!»

Зело дивился воевода
Татьяны честному рассказу
Срамил купца, отца прихода,
но приговор изрёк не сразу.
Сперва хвалил зело Татьяну,
за разум и за женску честь,
таких – по пальцам перечесть:
«В своих «Записках» ты помяну».
А после тако стал глаголить
и провинившихся неволить:
«Ты, гость и Карпов друг Бердов,
вели принесть пятьсот рублёв.

С тебя, приходский богослов,
рублёв я тысячу возьму.
А вот с тебя, архиблудов,
поболе денег изыму.
Изволь прислать мне полторы.
С тем вам одёжу возвернут
и со двора уйти дадут.
И чтоб для города дары
не позабыли сотворити!
Аз как сказал, то так и быти!»
Рубли с Татьяной разделил,
и за смекалку похвалил.

К.Е. Маковский. Боярский свадебный пир в XVII веке.

От сих делов Татьяна наша
как будто стала даже краше,
и как пример для разных клуш.
От купли вскоре Танин муж
с большим прибытком возвратился.
Сему рассказу подивился,
на весь потом христьянский мир
устроил он великий пир.
И там свою Татьяну славил,
и кое-что от ся добавил.
А воевода ус мотал
и сю поэму написал.

2013 г.